

Соликамск стал родным

Э.Г. Бернгардт

Почетный гражданин Соликамска **Эдвин Александрович Гриб**, председатель Соликамской общественной организации российских немцев «Возрождение».

Родился я в 1925 г. в немецком селе Хойбуден (основано в 1824 г., по другим данным, в 1841 г.), по-русски - Сергеевка. Сейчас это на границе Донецкой и Запорожской областей. Мой отец проработал в этом селе учителем 24 года, был арестован в августе 1937 г. и уже 13 ноября расстрелян. Мать умерла еще в 1932 г., и фактически нас, троих братьев (я был самый старший), воспитала деревня. Все мы жили у одной хозяйки, и колхоз помогал ей за это. Отец отдал нас в школу с пяти лет. В 1941 г. я уже окончил 10 классов Розовской (Розенбергской) средней школы. Насколько могу судить, получил хорошее образование - с 1-го по 4-й класс учился в немецкой школе, с 5-го по 7-й - в украинской, с 8-го по 10-й - в русской. И когда окончил школу, для меня не имело значения, немецкий язык, украинский или русский. В школе все учителя были мужчины. Это, я считаю, тоже большая удача. Уже с 7-го класса у нас было делопроизводство. Мы могли все что угодно написать, посчитать на счетах, на логарифмической линейке, на арифмометре «Феликс», который тогда был самым распространенным. Я и сейчас поддеваю молодежь: «Слушай, ты можешь на счетах квадратные корни извлекать?» Все говорят, что это невозможно, а я вот (*смеется*) умею.

5 сентября 1941 г. меня призвали в армию, а 24 сентября я оказался в Соликамске. Когда призывники разговорились, то оказалось, что все мы - немцы. Я впервые узнал, что немцы говорят на разных диалектах и могут друг друга не понимать. Сначала непонятно, но потом, когда прислушаешься, все-таки начинаешь понимать, а затем и разговаривать.

Соликамск - город древний, он основан в 1434 г. на месторождении поваренной соли у реки Кама, где из-под земли били ключи из рассолов. Когда мы приехали туда в 41-м, нас было 12 тыс. мужчин от 14 до 60 лет. Нам поручили построить завод по выпуску пороха для военных нужд, и уже в августе 42-го завод дал первый порох. Возведенный российскими немцами он был пущен быстрее других аналогичных предприятий, большинство из которых не удалось достроить даже к концу войны. Тогда все делалось достаточно примитивно, но завод до сих пор (!) дает продукцию.

Немцы вообще во всех условиях работали хорошо, продуктивно, оставив заметный след после себя. И не только как работники. Местное население переняло от них самые разные навыки: в поддержании чистоты в помещениях, в приготовлении пищи, в разведении огородов, которые на севере были развиты очень слабо, и т.д.

В 1942 г. прибыло еще 12 тыс. немецких мужчин-трудармейцев. Они были мобилизованы из тех мест, куда их выселили по Указу от 28 августа 1941 г. и последующим депортационным актом. Работали в основном в лесу. Из 12 тыс. трудармейцев, строивших завод, 7300 погибли от голода и тяжелых условий труда и быта.

Бернгардт: *Трудармия всегда ассоциируется с трагедией, а были ли там какие-нибудь забавные эпизоды?*

Гриб: В трудармии, т.е. в лагере, существовали комсомольская и партийная организации. Принимать в них не разрешали - можно было только исключать. А те, кто был принят еще до войны, продолжали числиться коммунистами и комсомольцами. Представьте себе партийную организацию за колючей проволокой, с каждодневной утренней командой «Шаг влево, шаг вправо считаются побегом - будем стрелять без предупреждения!» Разве это не смешно?! А трагичных.

Я помню случай, когда за сутки в бараках умерло 29 человек.

Вышли на работу, нас пересчитали, и столько же человек должно было возвратиться назад. Если кого-то нет, то вся бригада будет мерзнуть и искать его. Из-за скудости питания у нас такая болезнь была - куриная слепота: ночью человек ничего не видел. Если кто-то в какую-нибудь яму провалился, так в ней и остался. Все ведь идут вперед, конвой подгоняет: «Скорей-скорей!» Зима, холодно.

Потом идем обратно, ищем этого человека до тех пор, пока не найдется. Очень многих находили уже мертвыми.

У нас было 5 лагерей. В первом из них сидели уголовники. Во втором и третьем были немцы - по 6 тысяч в каждом. В четвертом - «члены семей изменников Родины» (ЧСИР): жены, у которых мужей расстреляли, и их дети. Много было жен военных. В пятом - политзаключенные по 58-й статье. Все находились в одинаковых условиях. Как немцев сажали без суда и следствия, так и этих женщин. Их тоже заставляли работать. У них в лагере были садик и ясли. Когда ребенку исполнялось 7 лет, его из лагеря изымали и отправляли в детдом. В 1943 г. к нам привезли женщин-трудармеек взамен выбывших из строя мужчин. Они работали на лесозаготовках, потом на Соликамском бумажном комбинате. Это были женщины, не имевшие детей младше трех лет. У нас в Соликамске есть матери, которые до сих пор не могут найти своих детей. Те попали в детдома, там им дали другие имена и фамилии. Бывает, что родители, наконец, находят детей, а они от них отказываются: «Ты - не моя мама!» Все это ужасно.

Когда закончилась война, трудармию постепенно распустили, но всех немцев взяли на спецучет, и мы еще почти 10 лет были спецпоселенцами без права выезда. В 1956 г. немцам разрешили уезжать, но только не туда, откуда они были выселены. Если посмотреть статистику населения, скажем, в Пермской области, то получается, что немцы-трудармейцы и спецпоселенцы - до поры до времени вообще за людей не считались. В результате в 56-м году, когда немцев «сняли» со спецпоселения, население нашего Боровска, где числилось 14 тыс. жителей, сразу же увеличилось на 30 тыс. человек. *(В поселке Боровск Соликамского района находилось управление Соликамстроя НКВД, на объекте которого работали немцы-трудармейцы. - Ред.)* В один день. Вроде мы до этого не существовали.

В 1950 г. я решил получить высшее образование, стать инженером-строителем, поскольку все это время работал на стройке. Так как выезд нам запрещали, то поехать на вступительные экзамены было невозможно. Но медалистов принимали без экзаменов, и я решил еще раз пойти в школу (вечернюю), чтобы закончить ее с медалью. Несмотря на различные препятствия, это мне удалось, и в 1951 г. я отправил свои документы в Ленинградский (он тогда назывался Северо-Западным политехническим институтом), на факультет «Гражданское и промышленное строительство», на заочное отделение (об очном вообще нечего было думать).

Я был принят без экзаменов, и зимой 1951-52-е гг. меня вызвали на первую сессию. Обратился (такой был порядок) в МВД, чтобы мне разрешили выезд на экзамены. Был большой скандал: «Как ты посмел! - и т.д.» Никто ведь не знал о моем поступлении. В конце концов, мне разрешили выехать, но наложили резолюцию: «С сопровождающим.»

И вот я в 1952-53-е гг. ездил на экзамены под конвоем. Сопровождающий передавал меня тамошнему спецкоменданту, у которого я должен был отмечаться каждую неделю, а на обратном пути снова брал под конвой. После смерти Сталина я уже один ездил. В 1958-м окончил институт и стал инженером-строителем.

Еще в трудармии, поскольку я имел блестящее по тем временам образование, меня назначили техником по безопасности. Тогда я впервые услышал, что есть такая должность. А через три дня произошел несчастный случай со смертельным исходом. Я уже думал: «Все! Посадят!» Но, к счастью, выяснилось, что я не виноват. Так и продолжал работать до нового ЧП.

На кирпичном заводе - подсобном предприятии Соликамстроя - кирпич обжигался в кольцевых печах Гофмана. Чем скорее кирпич оттуда выгрузишь и снова загрузишь, тем

больше оборот печи. При температуре в печи свыше 100 градусов возле нее стоял человек с палкой и буквально загонял туда трудармейцев: «Иди, работай!» Я написал предписание, запрещающее там работать, так как при этом грубо нарушались правила техники безопасности. Директор шум поднял: «Я тебя уволю!» Я все это сообщил в вышестоящие инстанции. Главный инженер Управления написал: «Товарищ Щеткин, не занимайся чепухой, Гриб должен работать:» Когда я передал эту бумагу директору, то, конечно, боялся – он ведь мог со мной сделать все что угодно. А тот вызвал меня и говорит: «Ты мне нравишься, ты настойчивый. Таким и нужно быть». С этим директором я потом работал до его ухода на пенсию, был даже начальником снабжения. В общем, трудился там, куда назначали.

Когда получил диплом инженера-строителя, сразу же поставили начальником производственного отдела на стройке, через шесть месяцев - начальником СМУ. В 1977 г. я стал заместителем директора по капитальному строительству и на пенсию вышел с этой должности.

Комбинат наш был построен в самом начале войны как подсобное предприятие Соликамстроя. Он выпускал все, что нужно для стройки. Абсолютно все! В цехе ширпотреба делали спички, сапожный крем, ручки для учеников. Изготавливали фурнитуру, двери, окна. Единственное, что мы не успели построить, - стекольный цех. В 1946 г. наш комбинат стал самостоятельным предприятием, на котором работали практически одни немцы. Они его построили, а потом и дети их стали тут работать. Это было прекрасное предприятие, считавшееся очень престижным.

В июне 1990 г., когда пошли послабления (до этого наша область (*Пермская. - Сост.*) была закрыта для иностранцев), меня вдруг вызвали и сказали, что приезжает г-н Адамс из Посольства ФРГ, и всех немцев приглашают в Дом культуры. Там нам впервые объявили, что мы теперь полноправные граждане: мол, можете песни свои петь, на своем языке разговаривать. В сентябре (я уже на пенсии был) мы организовали Общество немцев города Соликамска, и меня избрали председателем. Поскольку я 16 лет был депутатом Горсовета (а затем, вплоть до недавнего времени, Городской Думы), меня в городе все знали. Строители - люди (*смеется*) всегда известные! Я убежден, что главная наша забота - это работа в тесном контакте с администрацией. Не быть нахлебниками, не требовать для себя слишком многого, а нормально сотрудничать. Это, мне кажется, нам удалось. Правда, в последнее время все наши наработки - в центре культуры, оздоровительно-реабилитационном центре, в деятельности художественной самодеятельности - сходят на нет из-за ухудшения общей ситуации в стране. Дома культуры и больницы закрываются, стадионы зарастают травой. Гибнет вся социально-культурная сфера, а вместе с ней погибает и национальная. Поэтому я не возлагаю никаких надежд и на организацию национально-культурных автономий. Мы всегда работали вместе с другими национальностями, решали задачи, которые перед нами стояли, и, как мне кажется, очень многое успели сделать. Когда в администрацию области поступил Закон «о национально-культурной автономии», отдел национальных программ собрал представителей всех национальных организаций. Был подготовлен план создания НКА. Мы пришли к выводу, что в нашей области нужно создать 17 НКА. Разработали график - кто, что должен делать, мы этой работой занимались. И вдруг в конце 1997 г. в администрацию приходят два письма из Миннаца за подписью замминистра В. Бауэра, в которых он просит содействовать скорейшему созданию НКА российских немцев в Пермской области. Естественно возник вопрос: а почему это так срочно нужно именно немцам? Он поясняет, что прочие имеют свои территориальные образования, а у российских немцев территории нет, и потому, мол, для них надо незамедлительно создать НКА. Еще больше меня удивило, когда съезд по созданию Федеральной НКА российских немцев был назначен на 19-20 декабря 1997 года. Нам этот срок показался вообще неприемлемым, поскольку дело было буквально накануне самого главного нашего праздника - Рождества. Эта поспешность нас просто поражает. Мы всегда считали, что НКА надо создавать снизу. Уже много раз убеждались: когда что-то создается под нажимом сверху, то оно оказывается нежизнеспособным. Поэтому возникают серьезные сомнения - будет ли способствовать решению проблем российских немцев создаваемая НКА?

К тому же я считаю, что не надо финансировать и уделять внимание одной нации за счет других. Это приводит только к межнациональным трениям, и даже к конфликтам. Если поставить вопрос так: мол, мы создали НКА, давайте нам теперь деньги, то ни один орган, утверждающий бюджет, не выделит средства только для немецкой НКА. А другие национальности? Ведь Закон об НКА дает им точно такие же права! Спешка в этом деле ни к чему хорошему не приведет. И еще. Получается, что представители нескольких регионов сформировали Федеральную НКА. А как быть тем регионам, где не успели быстро создать свои автономии? Они ведь тоже имеют право на создание НКА. Вопрос должен был решаться снизу. Много немцев живет не в городах, а на селе, в бесчисленных лесных поселках и т.д. Они оказались исключенными из этого процесса. Пока мы туда дойдем, пока им объясним, что и как надо создавать, пройдет немало времени.

Может, надо было все делать иначе? Создать местные автономии, зарегистрировать их, потом региональные, а уж они сформировали бы всероссийский оргкомитет. И уже этот комитет (не из одних только представителей Москвы, как вышло фактически) подготовит съезд по учреждению федеральной автономии. А на деле госорганы приняли решение «Срочно создать!» И в результате Федеральная НКА сформировалась не снизу, а сверху.

Поспешными действиями можно легко разрушить то, что уже отлажено – работу Общества «Видергебурт», Международного союза немецкой культуры, немецких культурных центров «Возрождение», - не создав ничего взамен. К сожалению, в последние годы лучшие представители нашего народа уезжают в Германию. Им там тоже несладко. Мало кто работает по специальности и удовлетворен своим положением. Там нет проблем с квартирами, с питанием, государство заботится о стариках, детях. Но удовлетворения у большинства наших переселенцев нет.

Очень плохо, что Россия теряет хороших работников, а они там, в Германии, не находят применения своим способностям. Они сравнивают себя с местными и видят, что находятся в каком-то униженном положении. Если у нас в стране жизнь станет чуть-чуть лучше, легче, количество возвращающихся будет расти. Поэтому нужен закон, определяющий статус переселенца, вернувшегося в Россию. Сейчас я занимаюсь жертвами политических репрессий. Это почти все жители Соликамска, ведь сюда ссылались люди самых разных национальностей. Через мои руки проходит множество документов, свидетельствующих, что не только российские немцы, но и остальное население испытало много горя. Сажали и расстреливали людей всех национальностей. У немцев это, может быть, заметней, потому что их выселили почти в один момент.

Бернгардт: *Да, горя хлебнули все. Но никого ведь не наказали только за то, что он, к примеру, русский. А за то, что немец, наказывали.*

Гриб: Хотелось бы обратить внимание на то, что о нашей истории пишут только газеты, издающиеся для немцев. В библиотеках такой литературы нет. Издавая книги, брошюры, газеты, вы должны посылать нам и экземпляры для местных библиотек, чтобы представители других национальностей тоже получили представление о нашей истории. Ведь до сих пор люди образованные порой спрашивают: «Почему вы остались здесь после войны?» Они думают, что немцы, живущие в России, просто не захотели в свое время вернуться в Германию. Люди должны знать, кто такие российские немцы, как они здесь появились, как себя проявили и что сделали для России.